

## **ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО**

---

ЧИТАЙТЕ  
ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ  
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ  
**АЛЕКСАНДРА РУЖА**  
В СЕРИИ  
**«ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО»:**



Зов Полярной звезды  
Охота на черного короля  
Авалон  
Полюс вечного холода

# ПОЛЮС ВЕЧНОГО ХОЛОДА

---

АЛЕКСАНДР РУЖ



---

МОСКВА  
2022

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Р83

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕ**

**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**

[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)

 **vmirefiction**

Редактор серии *А. Антонова*

Разработка серийного оформления  
*С. Курбатова*

**Руж, Александр.**

**Р83** Полюс вечного холода / Александр Руж. —  
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165205-0

1926 год. Завершив в Ленинграде опасное расследование, сотрудник особой группы Спецотдела ОГПУ Вадим Арсеньев по заданию руководства отправляется на другой конец страны — в далекую Якутию. Там на «полюсе холода» близ поселка Оймякон находится таинственное озеро Лабынкыр, почитаемое местными народностями. С ним связаны древние предания, внезапно получившие реальное подтверждение. Согласно милицейским сводкам, в окрестностях водоема находят растерзанных охотников и оленеводов, а оставшиеся в живых свидетели передают из уст в уста жуткие рассказы о якобы виденных в тундре чудовищах.

Вадим приезжает на Лабынкыр, чтобы развеять мифы и найти виновника зверских преступлений. Но, столкнувшись с действительностью, он понимает, что далеко не все рассказанное суеверными аборигенами является выдумкой...

Александр Руж — лауреат второго сезона премии «Русский детектив» в области детективного и остросюжетного жанров литературы и кино в номинации «Открытие года».

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Руж. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165205-0

## Вступление



В тот, теперь уже далекий, летний день 1903 года Царское Село изнывало от иссушающего зноя. Весь его достаточно бестолковый ландшафт затвердел под палящим солнцем, как пережаренный пирог. В городе нечем было дышать — не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, не колыхался ни один лист на деревьях, а штандарты на императорском дворце безнадежно обвисли.

У кого имелась возможность выбраться на природу, чтобы там, под сенью крон, близ живой влаги рукотворных водоемов, дать отдохновение разгоряченным телам, пользовались ею. Вот и пожилой крестьянин Яков Укладчиков, испытывавший на себе прелести крепостного права, а ныне доживавший дни на собственной делянке, в развалюхе под соломенной кровлей, решил остудить старые кости и похромал к зеленой рощице, что разрослась под горушкой.

Яков жил в Царском Селе более семидесяти лет, с самого рождения. Он помнил, как на въезде

в город со стороны Петербургского шоссе ставили чугунные Египетские ворота. Помнил, как по первой в России железке прополз окутанный паром локомотив, как падали в обморок при виде этого небывалого дива слабонервные барышни и впечатлительные селянки. На его глазах городок рос и процветал. Наличие царской резиденции гарантировало образцовый порядок на улицах и своевременное появление различных благ цивилизации, которые даже до столиц не добирались с такой быстротой.

В конце прошлого века в Царское Село протянули телефонную линию и построили мощную электростанцию, оно стало первым в Европе полностью электрифицированным городом. Даже в халупке Якова вместо лучин и коптилок появились стеклянные баллоны, источавшие немислимо яркий свет. А год назад затеяли переделывать систему городской канализации — с раздельным стоком, да еще и с системой биологической очистки отходов, чего не было нигде в стране. Для уничтожения мусора английская фирма «Горсфоль» соорудила специальные печи, причем высвобождавшаяся от сжигания отбросов энергия не пропадала даром, а шла на отопление.

Жена Якова, отсталая и безграмотная, все эти новшества осуждала, сетовала, что они мешают ей проживать в спокойствии и религиозном благочинии. Но сам Яков, куда более любознательный,

освоивший на шестом десятке грамоту и почитывавший рубрику «Слухи и вести» в «Петербургском листке», был куда более восприимчив к свежим веяниям. Он вдохновенно живописал своей Прасковье, какая лепота настанет, когда по городу зачнут ездить самобеглые бензиновые коляски. А потом, того и гляди, воздвигнут причальную вышку для дирижаблей, и можно будет махнуть отседова хоть в Гельсингфорс, хоть в Варшаву, а хоть и в Москву. Закоснелая в своем недоразвитом мышлении супруга в ответ только крестилась, поминала огненную геенну и твердила о неизбежной расплате за грехи неразумного человечества. Ей мнилось, что именно здесь настанет конец многовековой монаршей России, и она не желала при этом присутствовать. Когда ей делалось особенно тревожно, она уговаривала мужа бросить Царское Село, продать дом и переехать куда-нибудь в глушь, где потише и нет дьявольских искушений. Яков только отмахивался, считая все это глупыми безосновательными бреднями.

Сегодня он звал жену с собой искупнуться, но она отказалась наотрез. С возрастом Прасковья, и без того нелюдимая, совершенно замкнулась в себе, не выходила дальше огорода, окруженного высоким тыном, и старалась как можно реже показываться на людях. Яков в какой-то степени понимал ее женскую стыдливость: и так-то не красавица, нос картошкой, глазенки маленькие, выпучен-

ные, а с годами еще и морщин добавилось — хоть Бабу-ягу рисуй. Но с другой стороны, старение — процесс естественный. Чего стыдиться?

Ладно, не хочет, так не хочет. Яков уже привык везде ходить один, отсутствие компании его нисколько не обременяло.

Он знал неподалеку от дома уютный прудик. В отличие от многих других царскосельских водоемов, переполняемых в жару купальщиками и развеселыми лодочниками, этот не пользовался популярностью, был дик и утопал в первозданной растительности. Ни тебе дощатых мостков, ни кабинок для переодевания, ни лотошников с горячими пирожками. А все потому, что кто-то давным-давно пустил сплетню, будто тут тьма-тьмущая пиявок. Яков эти толки не поддерживал, но и не опровергал, хотя за время купаний ни одна из сих противных тварей к нему не присосалась. Наоборот, вода в прудике, несмотря на обилие донной тины, всегда казалась прозрачной, как слеза младенца. Из-за малой глубины она отменно прогревалась, и плескаться в ней было истинным наслаждением.

Правда, в последнее время объявилось в городке несметное количество военных. Оно и понятно: всероссийский самодержец почти совсем забросил Питер, днюет и ночует в загородной усадьбе, с ним и семья в полном составе. Министры с докладами приезжают, совещания устраивают. Куда ж без охраны! Тем паче гуторят, будто

вскорости война с японцем может начаться. Бдительность превыше всего.

Вчера еще лежал себе прудик безмятежно, точно капля росы в детской ладошке, а сегодня возникли откуда-то проволочные ограждения на столбах. Таблички к ним прикручены с черепами нарисованными. Яков остановился, поскреб затылок — он ничего не понял. Какие черепа, откуда заграждения? Он излазил здесь каждый вершок, но никакой опасности не наблюдал. В прудике водились разве что ленивые карпы и пучеглазые лягушки, иногда забредали на водопой лисы и зайцы. Опасного зверья в Царском Селе и окрестностях не водилось уже лет полтораста.

Помявшись, Яков воровато поднырнул под проволоку. Ну вас! Дай волю, так со своими охранными мерами совсем простому люду кислород перекроете. А нынче не петровские времена, люд — он в разум вошел, о правах и свободах представление имеет. И незачем его лишний раз драконить.

На берегу пруда все было как раньше. Мирно стрекотали цикады, пересвистывались укрывшиеся в осоке мелкие пичужки. Убедившись, что в зарослях не дежурят солдаты с винтовками, Яков хекнул и потянул через голову задубелую от пота рубашу. Распустил веревочки, скинул домотканые портки и, оставшись в намотанном на чресла лоскуте, как неандерталец в набедренной повязке, сунулся в пруд.

Разбежалась в стороны ряска, поодаль высунулась и вновь скрылась рыбья морда. Яков пошел вперед, приседая и изготавливаясь для нырка в прогретую парную воду. Внезапно его нога наткнулась на что-то продолговатое и осклизлое. Он подумал сначала, что попалась коряга. Нагнулся, подождал, пока сойдет рябь и обмер с подогнутым, как у цапли, коленом.

Перед ним, на дне, лежал утопленник — покойно, со смеженными веками и скрещенными на груди руками. В его длинных русых волосах резвились головастики. Был он молод, лет двадцати, щеки покрывал легкий пушок, а широкая грудная клетка и бугры мускулов свидетельствовали об изрядном физическом развитии. Яков не мог определить, был ли он абсолютно гол, ибо тело ниже живота прикрывал, на манер пледа, коричневый коврик из водорослей.

Яков зашлепал губами, творя первую пришедшую на память молитву. Обычно он молился нечасто, по большим праздникам, когда ходил с Прасковьей в церковь. Но тут прорвало с перепугу. Он заставил себя присмотреться к несчастному. Наружных ран не видно, но они могли быть на спине. Впрочем, непохоже, чтобы он с кем-то боролся и принял насильственную смерть от чужих рук. Не иначе самоубийца. Яков прежде видел их, но только повешенных.

Он огляделся кругом — теперь уже в надежде

усмотреть живую душу и позвать на помощь. Никого. Прудик, разом утративший свою милую патриархальность, зловеще затаился, словно выжидал.

Яков погрузил в воду дрожащие руки, чтобы приподнять утопленника, но тот неожиданно распахнул глаза — они оказались небесно-голубыми — и без посторонней подмоги высунул голову из пруда. Яков закрестился истовее, чем это делала Прасковья в минуты панических атак. А оживший мертвяк улыбнулся ему и вдруг, цапнув за предплечье, потащил к себе.

Враз вспомнились женины предостережения: и про тихие омуты, и про бесовщину, витающую над Царским Селом, и про возмездие за прегрешения... Яков дернулся что было силы, лягнул врага костистой пяткой. И — вырвался.

Взметая брызги и скользя по илистому дну, он в три прыжка достиг берега, выскочил как ужаленный и обернулся. Молодой утопленник стоял в воде по пояс, облепленный кружочками ряски, и грозил ему пальцем. Яков схватил валявшиеся в траве портки с рубахой и пустился прочь от берега.

По-лосиному раздувая бока, он добежал до проволочного ограждения. Лоскут на бедрах разматался, того и гляди свалится. Яков прихватил его рукой и принялся заталкивать мокрые ступни в штанины. Кое-как натянув портки, он взялся за рубаху, но ивняк закачался, и над ним всплыла лохматая голова утопленника. Яков бросил ру-

баху, прошмыгнул ужом под проволокой и, как был, с обнаженным мосластым торсом, припустил к своей хибаре.

Там он с порога повалился в ноги своей старухе, стал лепетать что-то невразумительное, каяться и биться лбом о половицы. Прасковья смотрела на него, как на сумасшедшего, и капала ему на макушку пахучее миро из склянки. А Яков, выговорившись, кинулся к божнице, вынул из-за нее все семейные сбережения, заботливо увязанные в кожаный кисет, и объявил, что завтра же надобно уезжать из Царского. Прасковья впала в ступор, гадая, радоваться ли ей исполнению заветного желания или причитать над мужем, который явно не в себе. Она достала из погреба бутылъ самогона и робко подсунула Якову, как проверенное лекарство от нервов. Однако он самогон отринул, сказав, что рассудок нужен тверезый и вообще некогда расслаживаться. Пусть жена укладывает скарб, а он пойдет искать покупателей.

Дела были устроены с курьерской быстротой: дом и скотина проданы, вещи собраны, и вскоре под непонимающими взглядами знакомцев подвода увезла Якова с Прасковьей из Царского Села. Куда они делись, где осели и как сложилась их дальнейшая судьба, история умалчивает. В нашем скромном повествовании их присутствие больше не требуется.

*Глава I,*  
в которой Вадиму Арсеньеву  
выпадает дальняя дорога по казенной  
надобности



Ровно через двадцать три года после описанных выше событий, в августе 1926-го, новенький шведский паровоз марки «Эш» волочил по рельсам на восток состав из пяти вагонов. Позади остались Москва, Пермь, Казань, а впереди, в розовой дымке, вырисовывались очертания Уральских гор. В вагонах размещалась вперемешку всякая всячина: книги, переданные из столицы для отдаленных изб-читален, школьные учебники, агитационные материалы, корреспонденция. Помимо прочего имелись мешки с ассигнациями в бронированных ящиках — зарплата для рабочих с заводов Каменного Пояса. Все это добро стерегли четверо красноармейцев, вооруженных винтовками и пулеметом «Шош». Они дремали в переднем вагоне, балагурили и нюхали табак (курить в поезде, по причине обилия бумажной продукции, строжайше возбранялось).

Кроме них присутствовали еще два пассажира, оба ехали из Москвы. Один — высокий брюнет

лет тридцати, одетый в комиссарскую кожанку, чисто изъяснялся по-русски, лишь слегка раскатывая звук «р-р» в начале слов. Второй — пожилой немец, кутавшийся, несмотря на теплую погоду, в длиннополое пальтишко и насвистывавший баварские народные песенки. Брюнета звали Вадимом Арсеньевым, он являлся сотрудником особой группы при Специальном отделе Объединенного главполитуправления. Немец по фамилии Фризе состоял при той же группе в должности врача. В почтово-багажный поезд они попали благодаря личному распоряжению наркома путей сообщения товарища Рудзутака. Велено было отвести им персональный закут и не чинить никаких неудобств.

Пассажиры оказались нетребовательными. Они выбрали себе угол в теплушке, отгородились рулонами агитплакатов и негромко переговаривались, никого не тревожа и ни о чем не прося. У них были свои торбы с пайками, чайник, водились, наверное, и деньги.

Куда и зачем они ехали? Красноармейцев-охранников этот вопрос интересовал слабо. Они бы очень подивились, узнав, что и сами особисты не осведомлены о конечной цели своего путешествия.

Вадим незадолго до отъезда завершил весьма сложную и опасную операцию, вернулся из Ленинграда в Москву и планировал немного отдох-

хнуть, прийти в себя<sup>1</sup>. Тем более что очнулась после продолжительной болезни его невеста — лопарка Аннеке, приехавшая с Крайнего Севера. Не тут-то было. Распоряжением председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского его отправили в новую командировку — едва дали время нехитрый багаж в вещмешок утоптать.

Вадим подозревал, что такая срочность неспроста. Не исключено, что он чем-то мешает вышестоящему руководству, и оно намерено поскорее сплавить его куда-нибудь в глухомань, откуда он не факт что возвратится. Догадку подтвердил его непосредственный начальник, шеф особой группы Александр Васильевич Барченко. Он встретился со своим подопечным и переговорил с ним накоротке, пока тот у себя в коммуналке в Нагатино лихорадочно соображал, что из первоочередного взять в поездку, которая затянется неизвестно на сколько.

— Вы, Вадим Сергеевич, в щекотливые сферы вторглись. Недосут мне нынче мыслию по древу растекаться, изреку одно: ваше рвение в расследованиях кое-кого припугнуло. Вот и хотят отправить вас в края отдаленные, дабы ретивость вашу поумерить... ну и чтобы в Москве лишний раз не светились.

---

<sup>1</sup> Подробнее об этой истории читайте в романе Александра Ружа «Охота на черного короля».